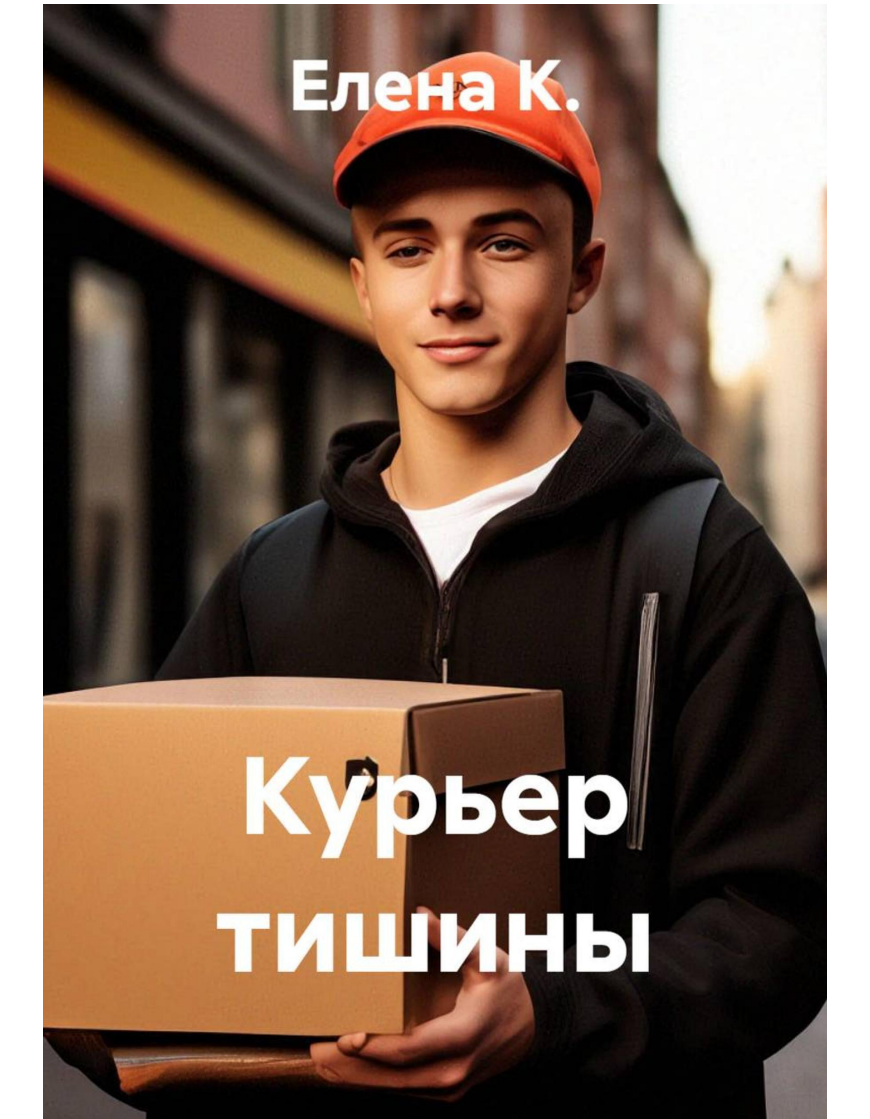

A young male courier is the central figure, wearing an orange cap and a black hoodie. He is holding a large cardboard box in front of him. The background is a blurred city street with buildings and a warm, golden light, suggesting late afternoon or early morning. The text 'Елена К.' is at the top, and 'Курьер ТИШИНЫ' is overlaid on the box.

Елена К.

Курьер
ТИШИНЫ

Елена К.

Курьер тишины

<https://litres.ru/74415408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём, двадцать семь лет, курьер. Каждый день — маршрут, посылки, «всё нормально». Он не несчастлив — он просто перестал слышать себя за шумом города. Пока однажды диспетчер Лена не вручает ему конверт без адреса. На нём одно слово: «тишина». И инструкция: «Доставь туда, где поймёшь, куда».

Так начинается путь, на котором каждый адрес — это человек, которому не хватает тишины, чтобы сказать главное. Подросток, который не может признаться: «Я не справляюсь». Пожилая женщина, боящаяся тишины, потому что в ней слышны воспоминания. Мужчина, не успевший сказать маме «я тебя люблю». Мальчик, который боится темноты. Музыкант, потерявший голос. Бабушка, которая боится забыть любимого. И сам Артём, который наконец-то решается сказать маме правду.

«Курьер тишины» — это тёплая, тихая книга о том, чего мы не говорим вслух. О том, что тишина — не пустота, а пространство, где можно услышать себя.

Содержание

Все главы	4
Глава 1. Странный заказ	5
Глава 2. Тот, кто не умел сказать «мне тяжело»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена К.
Курьер тишины

Все главы

Глава 1. Странный заказ

Город гудел.

Это был не просто шум — это было живое, пульсирующее дыхание мегаполиса, которое никогда не прекращалось. Машины на проспекте отвечали на сигналы светофоров, трамваи скрежетали на поворотах, строители о чём-то кричали через стройплощадку, из открытых окон кафе лилась музыка, которую никто не слушал. Где-то лаяла собака. Где-то плакал ребёнок. Где-то навигатор в телефоне устало повторял: «Через двести метров поверните направо». Город производил звук так же неустанно, как завод производит детали — конвейер не останавливается, потому что остановка означает сбой.

Артём привык.

Он вообще ко всему привыкал легко и быстро — в этом была его сила и, если честно, его беда. Привык к шуму. Привык к тому, что телефон трезвонит с утра до вечера. Привык к запаху бензина, размокшего асфальта и чужих обедов, которые он развозил в термосумках. Привык к тому, что люди открывали дверь, брали пакет, говорили «спасибо» — или не говорили — и закрывали дверь. Привык к коротким «да», «нет», «оставьте у соседей», «я не заказывал», «перезвоните». Привык к серым многоэтажкам, которые сливались в один бесконечный фасад, будто город построили по одному

чертежу и забыли добавить детали.

Привык — и перестал замечать.

Артёму было двадцать семь, и он работал курьером уже третий год. Не потому-то не мог найти что-то другое — мог. Окончил политех, получил диплом инженера, даже сходил на пару собеседований. Но каждый раз, когда ему предлагали сесть за стол и «обсудить перспективы», что-то внутри сжималось. Перспективы звучали как ещё один маршрут, только длиннее и с более сложной картой. А он хотел просто-го: встал, поехал, доставил, вернулся. Понятно. Чётко. Без вопросов, на которые не знаешь ответ.

Мама, конечно, переживала. Каждый раз, когда он заезжал к ней на обед — а он заезжал каждое воскресенье, потому что так было заведено и потому что её борщ был единственной вещью в мире, которая не менялась, — она смотрела на него этим взглядом. Знаешь этот взгляд? Когда человек не говорит ничего, но его глаза кричат: «Ты же можешь больше». Артём этот взгляд научился игнорировать. Вернее, не игнорировать — просто не отвечать на него. Потому что ответа у него не было.

Он не был несчастным. Нет. Он не был и счастливым — но кто вообще счастлив в двадцать семь? Он был где-то посередине, в том комфортном пространстве, где ничего не болит, но и не греет. Как вода из-под крана нужной температуры: ни холодная, ни горячая, просто течёт.

Иногда, поздно вечером, когда он возвращался домой в

свою однокомнатную квартиру на девятом этаже, он сидел у окна и смотрел на город. Огни окон, фары машин, мигание рекламного экрана на соседнем доме. Всё это должно было что-то значить — чья-то жизнь, чьи-то истории, чьи-то радости и беды. Но для Артёма это был просто свет. Просто энергия. Просто город, который не умеет молчать.

И вот что странно: иногда, в эти вечерние минуты, ему хотелось, чтобы всё выключилось. Не чтобы исчезло — а чтобы замолчало. Чтобы на секунду стало тихо — по-настоящему тихо — и он смог бы услышать... что? Он не знал. Может, себя. Может, что-то, что он забыл, потому что слишком долго слушал всё остальное. Но город не выключался. И телефон звенел. И будильник звонил. И маршруты ждали.

Диспетчерская служба доставки «Точка» помещалась в подвале жилого дома на улице Красноармейской. По идее, подвал — это мрачно, но Лена умудрилась сделать это место уютным. На стенах — карта города, обклеенная флажками с маршрутами. На столе — вечно полный термос с кофе и кружка с надписью «Не трогать, работает человек». На подоконнике — фиалка, которую Лена каждое утро поливала ровно из одной и той же маленькой лейки, как будто это был ритуал, нарушать который нельзя.

Лена была из тех людей, которые видят больше, чем показывают. Ей было под сорок, но выглядела она так, будто возраст решил обойти её стороной — не из-за внешности, а из-за какого-то внутреннего света, который не тускнеет. Корот-

кие тёмные волосы, быстрые глаза, мягкий голос, который, впрочем, умел стать стальным, когда надо было объяснить курьеру, что опоздание — это не форс-мажор, а неумение планировать. Артём её уважал. Не любил — любовь предполагала что-то более личное, — но уважал. А это, по его опыту, было важнее.

В то утро Артём зашёл в диспетчерскую, как обычно. Чуть мокрый — на улице с ночи накрапывал мелкий, раздражающий дождь, который не был ни сильным, ни слабым, просто был. Он снял шлем, повесил куртку на крючок и потянулся к списку заказов.

— Подожди, — сказала Лена.

Он остановился. Она сказала «подожди» не как приказ, а как-то иначе. Как будто хотела, чтобы он действительно подождал. Не спешил. Не бежал. Просто постоял.

Лена открыла ящик стола — тот самый, нижний, который обычно был заперт, и Артём ни разу не видел, чтобы она им пользовалась. Из ящика она достала конверт.

Обычный белый конверт. Не большой, не маленький. Не новую пачку из магазина, а уже немного поживший — углы чуть смяты, на бумаге едва заметная тень, будто его держали в руках не один раз. Или будто он долго ждал.

— Вот, — сказала Лена и протянула ему конверт.

Артём взял. Повертел. На конверте не было адреса. Ни улицы, ни номера дома, ни индекса, ни города. Вообще ничего — только одно слово, выведенное аккуратным, почти

каллиграфическим почерком, синей ручкой:

«ТИШИНА»

Артём хмыкнул. Посмотрел на Лену. Она не улыбалась, но в её глазах было что-то — не тайна, а скорее терпение. Так смотрят на человека, которому собираются сказать что-то важное, но знают, что он поймёт не сразу.

— И куда везти? — спросил Артём, стараясь, чтобы прозвучало буднично.

— Туда, где ты поймёшь, куда.

Он подождал. Лена часто делала паузы — не потому что подбирала слова, а потому что давала словам время дойти.

— Это шутка? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Это заказ. Срочный.

— Лена, я серьёзно. Нет адреса — нет доставки. У меня система, маршруты, тайминг...

— Я знаю, — кивнула она. — Но этот заказ — не по системе. Он по тебе.

Артём нахмурился. Не сердито — скорее пытаюсь понять. Но Лена уже отвернулась к монитору, и её спина говорила яснее любых слов: разговор окончен.

Он постоял ещё секунду. Потом взял конверт, сунул в карман куртки — внутренний, где обычно лежал телефон — и вышел.

На улице дождь стал чуть сильнее. Не ливень, а так — настойчивая морось, которая пропитает всё за десять минут, даже если кажется, что ещё ничего не происходит. Артём на-

тянул шлем, завёл мопед и поехал.

Первый заказ был обычным: кроссовки из интернет-магазина. Клиент жил на пятом этаже без лифта. Артём поднялся, протянул коробку. Дверь открыл парень в наушниках — он даже не вынул их, просто кивнул, забрал коробку и закрыл дверь. Артём постоял секунду в коридоре, слушая, как за закрытой дверью рвётся какой-то бит. Потом спустился.

Второй заказ — еда из ресторана. Две коробки с лапшой и супом, аккуратно уложенные в термосумку. Адрес — бизнес-центр, шестой этаж, офис 612. Секретарь, молодая женщина в очках, приняла пакет с вежливой улыбкой и тут же вернулась к монитору. Артём заметил на её столе маленький кактус в горшочке с наклейкой «Боря». Он чуть не улыбнулся.

Третий — документы. Юридическая контора, второй этаж, окно во двор. Курьер протянул папку, ему протянули подпись. Всё, как всегда.

И так должно было продолжаться: четвёртый заказ, пятый, шестой, душ, ужин из микроволновки, сериал, который он не досмотрит, сон. День как день. Но конверт в кармане не давал покоя.

Он не был тяжёлым. Наоборот — почти невесомым, как будто внутри лежал лист бумаги и ничего больше. Но с каждым километром, с каждым новым адресом, с каждой закрытой дверью Артёму казалось, что конверт становится всё тяжелее. Не физически — а как будто что-то внутри него на-

бирало вес, уплотнялось, требовало внимания.

На перекрёстке у светофора он остановился и вдруг осознал, что уже минуту не слышит город. Нет — город звучал, конечно: моторы, дождь, навигатор в наушнике. Но он не слышал. Как будто звук проходил сквозь него, не задерживаясь. И в этом пространстве — между звуком и восприятием — было что-то. Тонкое, натянутое, как струна, которую ещё не тронули. Тишина?

Нет, не тишина. Скорее — пауза. Момент, когда мир не замолкает, а ты сам перестаёшь слушать. Как будто кто-то повернул ручку громкости не на ноль, а внутрь.

Светофор щёлкнул зелёным. Артём поехал дальше.

К обеду он сделал все обычные заказы. Мокрая куртка, мокрые руки, мокрые мысли — всё к этому дождливому сентябрю привычно. Он свернул в свой двор — тот, где обычно парковал мопед между детской площадкой и мусорными баками. Заглушил двигатель. Сидел на мопеде и смотрел на капли, которые собирались на visor шлема и медленно стекали вниз, каждая по своей дорожке.

И тогда это случилось.

Не гром. Не вспышка. Ничего такого. Просто — щёлкнуло. Где-то внутри, в том месте, о котором он забыл, потому что не было повода вспомнить. Будто замок, который всегда был закрыт, вдруг открылся — не от ключа, а от того, что кто-то снаружи тихо сказал: «Можно».

Город не замолчал. Дождь не прекратился. Дети на пло-

щадке продолжали кричать. Мотоцикл за углом продолжал греть двигатель. Но Артём услышал то, что было под всем этим — как слышишь дыхание человека, когда перестаёшь слушать его слова.

Тишину.

Она не была пустой. Это он понял сразу. Она была полной — как комната, в которой кто-то живёт, но сейчас вышел на минуту. В тишине были тени: его маминых глаз, его несостоявшихся собеседований, его вечеров у окна, его «всё нормально», которое он говорил так часто, что сам поверил. В тишине было всё то, что он заглушал звуком — не потому-что боялся, а потому что не знал, что с этим делать.

Артём снял шлем. Дождь коснулся его лица, и он впервые за долгое время это почувствовал — не как помеху, а как прикосновение. Прохладное, мягкое, живое.

Он достал конверт. «Тишина» — синими буквами на белом. Он не знал, куда ехать. Но впервые за три года это его не пугало. Впервые отсутствие адреса ощущалось не как ошибка, а как направление.

«Туда, где ты поймёшь, куда».

Он ещё посидел минуту. Потом завёл мопед.

И поехал.

Глава 2. Тот, кто не умел сказать «мне тяжело»

Дождь не сдавался. Он уже не был той аккуратной моросью, что висела в воздухе утром, — теперь он шёл всерьёз, будто решил доказать городу, что имеет право на голос. Артём ехал по знакомым улицам, но сегодня они казались ему чужими: дома будто пригнулись под тяжестью воды, вывески расплывались в цветные пятна, а светофоры мигали не как обычно, а будто подавали какой-то тайный сигнал.

Конверт с надписью «тишина» по-прежнему лежал во внутреннем кармане куртки. Артём не доставал его, но чувствовал его присутствие, как чувствуют в кармане ключи — не глядя, но точно зная, что они там. И теперь это ощущение было не раздражающим, а почти успокаивающим. Как будто у него появилась цель, которую не нужно вписывать в навигатор.

Он не знал, куда едет. Просто кружил по району, где знал каждый подъезд, каждый ларёк, каждый кривой бордюр. И вдруг понял: он не ищет адрес — он ждёт, когда тишина сама подскажет, куда свернуть.

И она подсказала.

Артём остановился у старого панельного дома, который стоял чуть в стороне от основной дороги, будто стеснялся

своей общарпанности. Дом был из тех, что строили быстро и надолго, а потом забыли. Краска на дверях облупилась, почтовые ящики висели криво, а над козырьком подъезда болталась одинокая камера видеонаблюдения — усталая, как сторож, который давно перестал верить, что случится что-то важное.

Но не это заставило Артёма притормозить. А звук. Вернее, его отсутствие. Среди городского гула, среди стука капель по асфальту и рёва моторов, здесь была пауза. Не мёртвая, не пугающая — а как будто кто-то тихо прикрыл дверь, чтобы не разбудить того, кто внутри.

Артём слез с мопеда, накинул капюшон и вошёл в подъезд. Лифт не работал — как всегда. Он поднялся на шестой этаж, чувствуя, как с каждым пролётом воздух становится плотнее, будто впитывает в себя чьи-то невысказанные слова.

Дверь квартиры номер шестьдесят три была приоткрыта ровно настолько, чтобы в щель пробивалась тонкая полоска света. И из-за неё доносился голос — тихий, дрожащий, будто его хозяин боялся, что его услышат.

— Я не могу, — шептал кто-то. — Я просто не могу.

Артём замер. Ему хотелось развернуться и уйти, сделать вид, что он ошибся этажом, что пришёл не сюда. Но конверт в кармане будто потяжелел, напоминая: ты здесь не случайно.

Он постучал. Не громко, но твёрдо — так, чтобы стук про-

звучал не как вторжение, а как обещание: я здесь, я не уйду.

Дверь приоткрылась шире. На пороге стоял подросток лет шестнадцати. В футболке с каким-то рок-группой, в спортивных штанах, спутанные волосы падали на глаза, а в руках он сжимал телефон так, будто это был спасательный круг.

— Ты кто? — спросил он, и в голосе было столько усталости, что Артёму вдруг стало не по себе.

— Курьер, — ответил Артём, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — У меня для тебя... кое-что.

Подросток нахмурился, будто пытался вспомнить, заказывал ли он что-нибудь. Потом покачал головой:

— Ничего не заказывал.

— А это не по заказу, — сказал Артём и достал конверт. — Это... тишина.

Парень посмотрел на конверт так, будто перед ним была бомба.

— Чего?

— Тишина, — повторил Артём. — Не знаю, как это работает. Но мне сказали, что кому-то она сейчас нужна.

Подросток вдруг резко выдохнул, и из него будто вырвалось то, что он так долго держал внутри:

— Мне не нужна тишина! Мне нужно, чтобы все перестали на меня давить! Чтобы мама не спрашивала каждый день «как дела», будто я должен отвечать «всё отлично», а если скажу «не очень», она начнёт плакать. Чтобы учителя не смотрели так, будто я уже провалил всё на свете. Чтобы

друзья не писали «чѐ ты такой тихий», будто быть тихим — это преступление. Мне не тишина нужна, мне нужно, чтобы меня перестали заставлять быть кем-то другим!

Слова выплеснулись потоком, и парень замолчал, будто сам испугался того, что сказал. Он опустил голову, сжал кулаки и прошептал:

— Прости. Я не должен был...

Артѐм не стал говорить «ничего страшного» или «всѐ будет хорошо» — он знал, что эти фразы сейчас прозвучат как издевательство. Вместо этого он просто протянул конверт.

— Держи, — сказал он тихо. — Может, она не для того, чтобы ничего не слышать. Может, она для того, чтобы услышать себя.

Подросток нерешительно взял конверт. Повертел его в руках. Потом посмотрел на Артѐма — в его глазах была смесь недоверия и отчаянной надежды.

— И что мне с этим делать?

— Не знаю, — честно признался Артѐм. — Наверное, просто открыть. Или не открывать. Или положить под подушку. Или порвать. Это твоя тишина. Ты решаешь, как ей быть.

Парень сел прямо на пол у двери, прислонившись спиной к стене. Открыл конверт. Внутри не было ничего — ни бумаги, ни записки, ни даже пылинки. Только пустота. Но он смотрел на неё так, будто там было написано самое важное письмо в его жизни.

— Странно, — пробормотал он. — Пусто.

— Иногда пустота — это место, куда можно положить свои слова, — сказал Артём, сам удивляясь тому, как естественно звучат эти слова. — Чтобы они не разлетелись.

Подросток кивнул, будто понял. Он закрыл конверт и прижал его к груди, как будто боялся, что тишина улетит.

— Спасибо, — прошептал он. — Даже если это бред.

— Может, и бред, — улыбнулся Артём. — Но иногда бред помогает больше, чем умные советы.

Он уже собирался уходить, но парень вдруг окликнул его:

— Эй... А ты сам... тебе она тоже нужна?

Артём на секунду замер. Вопрос был простым, но попал точно в то место, которое он так старательно затыкал шумом.

— Наверное, — признался он. — Просто я ещё не готов её принять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.